

Жулий Юрий Валерьевич

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА

В статье анализируется имплицитное понимание структуры диалектического противоречия в ранних работах К. Маркса, написанных до февраля 1844 г. Обосновывается эвристическая ценность рассуждений К. Маркса для современного и актуального решения проблемы природы и структуры диалектического противоречия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 66-70. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**ARCHIVAL DOCUMENTS AS SOURCE ON PUBLIC ASSOCIATIONS HISTORY
IN TATARSTAN DURING POST-SOVIET PERIOD: BY THE EXAMPLE OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE
OF HISTORICAL AND POLITICAL DOCUMENTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Guzel' Nikolaevna Ershova
Department of Classical Disciplines
Kazan' National Research Technological University
ershova104@mail.ru

The author analyzes the degree of the knowledge base of the sources on social-political associations history put in the funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of the Republic of Tatarstan during the post-soviet period, determines the most common topics of scientific historical researches over the past twenty years, and reveals the funds of social-political associations, which are practically not introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: Central State Archive of Historical and Political Documents of the Republic of Tatarstan; historical source; archival heuristics; social-political association; scientific-reference aids.

УДК 122/129

Философские науки

В статье анализируется имплицитное понимание структуры диалектического противоречия в ранних работах К. Маркса, написанных до февраля 1844 г. Обосновывается эвристическая ценность рассуждений К. Маркса для современного и актуального решения проблемы природы и структуры диалектического противоречия.

Ключевые слова и фразы: диалектическое противоречие; структура; материалистическая диалектика; идеалистическая диалектика; Маркс; марксизм; Гегель.

Юрий Валерьевич Жулий
Кафедра философии
Сибирский федеральный университет
shooshpan@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ
В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА[©]**

Предметом настоящего исследования является анализ не выраженных прямо представлений К. Маркса о структуре диалектического противоречия, наложивших отпечаток на содержание ранних сочинений немецкого мыслителя, когда марксистский метод исследования процессов развития «переживает процесс, так сказать, внутриутробного развития» [1, с. 12].

Обращение к вопросу о диалектическом противоречии, к этому частному, хотя и важнейшему аспекту диалектико-материалистической проблематики (интерес к которой в последнее десятилетие, в силу известных общественно-политических процессов, значительно упал) представляется сегодня чрезвычайно важным и необходимым. По мнению автора настоящей статьи, в ходе преодоления пороков советского периода с его широко распространенной догматизацией и идеологизацией философии научно-философская когорта нашей страны не сумела провести четкой границы между идеологическим и методологическим аспектами материалистической диалектики.

Этому факту уделяется недостаточно внимания. Обычно ученые и философы занимают одну из двух позиций в современной оценке материалистической диалектики: они либо «оплакивают» ее безвременную «кончину», либо обращают в ее адрес поток негативной критики, часто подменяя научно-философскую критику критикой идеологии. При этом создается впечатление, что ни те, ни другие не отличают *форму* материалистической диалектики от ее *содержания*: содержание (наиболее абстрактное определение диалектики) остается прежним, в то время как форма (то, как это содержание представлено в ту или иную историческую эпоху в конкретных социокультурных условиях) периодически меняется. Под видом критики формы начинают критиковать содержание, упуская из виду то обстоятельство, что с точки зрения содержания в теории и методологии материалистической диалектики имеется большое количество вопросов, требующих своевременного решения. Нельзя забывать, что, отказываясь от устаревшей формы, мы порой рискуем выплеснуть с водой и ребенка.

Ключевой проблемой материалистической диалектики является проблема диалектического противоречия. Понятие диалектического противоречия, введенного в философский оборот для обозначения внутреннего источника движения вещей, необходимо каждому философу и ученому, признающему, что весь мир, представленный в единстве его многообразия, есть *процесс*. В самом деле, «формы и виды [тел] можно

познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать» [8, с. 67]. Поскольку *динамика* бытия этого мира, полагаемого как процесс, всегда, пока существует человечество, нуждается в адекватном объяснении и понимании, постольку и материалистическая диалектика как учение о процессуальной природе бытия сущего, движущим источником которого объявляется диалектическое противоречие, сохраняет свою актуальность.

Вопрос о природе диалектического противоречия относится к *содержанию* материалистической диалектики, а отнюдь не к ее форме и уж тем более не к ее идеологической составляющей. Поэтому крах по преимуществу догматизированной и идеологически выдержанной советской философии не устранил проблем процессуальной природы бытия и возникновения в природе нечто принципиально нового, которые, будучи равнодушными к идеологическим дебатам, по-прежнему требуют адекватного описания и объяснения, особенно на фоне того, что прочие философские направления предпочитают держаться поодаль от обсуждения такого рода вопросов. Таким образом, содержание остается; следует лишь поставить вопрос о возрождении основных проблем материалистической диалектики в более адекватной изменившейся объективной реальности форме.

Но, чтобы правильно оценить состояние изменившейся формы материалистической диалектики и выработать по отношению к ней новые теоретико-методологические модели, необходимо для начала разобраться в проблемах уже существующих вариантов теории и методологии материалистической диалектики.

Неоднозначные, недостаточные, часто поверхностные, а иногда излишне громоздкие подходы к решению проблемы диалектического противоречия в рамках советской философии связаны, на взгляд автора, с тем, что с самого начала была поставлена не совсем корректная задача: вывести из содержания «Капитала» К. Маркса чисто логические формы *противоречия вообще* — другими словами, создать диалектическую логику на основе масштабной, но все-таки частной теории, частной логики — логики политэкономии «Капитала», — взятой за образец научного исследования. В действительности в том же «Капитале» представлена масса *разных* противоречий, функционирующих в зависимости от разных ситуаций. Это запутывало исследователей: заставляло одних упрощать, а других усложнять свои взгляды; и этим объясняется то, что попытки создания общей теории диалектического противоречия в целом окончились неудачей.

Можно предложить следующее решение проблемы: осознавая многообразие объективных противоречий действительности, следует найти то простейшее, абстрактное основание, которое может послужить отправной точкой для попыток создания теории объективных диалектических противоречий (именно во множественном числе). Таким основанием является понятие структуры диалектического противоречия. Вывод о том, в какой степени использование понятия «структура» справедливо по отношению к диалектическому противоречию, будет сформулирован в конце настоящей статьи. Пока же обратим внимание на то, что в рамках советской философии вопрос о структуре диалектического противоречия решался на протяжении без малого двадцати лет в рамках дискуссии, поднятой еще в 1963 году Ф. Ф. Вязькиным на страницах одной из своих работ [2]. К сожалению, участники дискуссии не смогли выйти за границы своеобразного диалектического эмпиризма и глубоко абстрактного теоретизирования, создающего видимость «научности» обсуждения проблемы.

Обращение к творчеству молодого К. Маркса, к его самым ранним работам может пролить свет на особенности современного решения проблемы структуры диалектического противоречия и указать возможные ориентиры для будущих исследований на пути создания действительно адекватных теоретических моделей.

Как известно, мировоззрение молодого К. Маркса характеризует идеализм гегелевского типа, и, следовательно, в нем преобладает понимание отношения всеобщего, единичного и особенного, сущности и явления под углом зрения гегелевской умозрительной философии. Гегелевское спекулятивное мышление заключается в том, что оно «ищет и находит в противостоящей ему действительности самое себя, т.е. мышление, разум как объективную сущность всего существующего» [7, с. 75]. Одни из наиболее ранних суждений К. Маркса о диалектике, несущие на себе отпечаток гегелевской философии, обнаруживаются в подготовительных материалах к его докторской диссертации. К. Маркс пишет здесь, что «диалектика есть внутренний простой свет, проникновенный взор любви, внутренняя душа, не подавляемая телесным материальным раздроблением, сокровенное местопребывание духа» и что она «есть также бурный поток, сокрушающий вещи в их множественности и ограниченности, ниспровергающий самостоятельные формы, погружающий все в единое море вечности» [6, с. 116–117]. В этих поэтичных строках угадываются две ключевые черты гегелевской диалектики: с одной стороны, примирение противоположностей, с другой — противоречие, отрицание, борьба.

В своей первой публицистической статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1842 г.) К. Маркс дает образцовый пример критически-диалектического анализа противоречия между сущностью и явлением, между субъективной формой и объективным содержанием (стоит, правда, отметить, что уже Г. В. Ф. Гегель, идя вразрез с основными положениями своей умозрительной философии, во многих случаях учитывал влияние явления на сущность, а также единичного и особенного на всеобщее). К. Маркс анализирует новейшую прусскую цензурную инструкцию, принятую 24 декабря 1841 г. Эта инструкция, сохраняя за правительством полный контроль над прессой, создавала видимость, будто она выступает за свободу печати. Следуя азбуке гегелевской философии, К. Маркс начинает с заявления, что «сущность духа — это исключительно истина сама по себе», а дух есть «высший интерес граждан государства» [3, с. 4]. В этом случае главная задача общества заключается в познании духа, истины самой по себе, всеобщей истины. А значит, свободное обсуждение всех вопросов, полная свобода печати — важнейшие необходимые условия жизни духа граждан, осуществление их высшего интереса. Однако инструкция, о которой идет речь, осуждая на словах излишние цензурные стеснения, фактически требовала от лиц, занимающихся литературной деятельностью,

скромности и благопристойности (к тому же неопределенность этих требований на деле предоставляла простор произволу цензуры). Так К. Маркс выходит на проблему неразумия действительности (которая в гегелевском представлении разумна), на проблему несоответствия государства своему понятию — короче говоря, формулирует противоречие между сущностью и явлением. Печать — вопреки закону о цензуре 1819 г. — до сих пор была подвержена неуместным ограничениям.

К. Маркс начинает критику с констатации противоречия, говоря языком гегелевской философии, в сфере бытия, т.е. непосредственно данного: с одной стороны, закон 1819 г. не отменен, и если он осуществляется, то о «неуместных ограничениях» печати не может быть и речи; с другой стороны, согласно утверждениям составителей инструкции, «неуместные ограничения» печати налицо. Получается, закон не отменен и по самой своей природе требует исполнения, между тем в течение двух десятков лет он не исполняется.

Далее К. Маркс стремится выяснить, чем порождается это противоречие. Он последовательно ищет основу противоречия сначала в законе как таковом, а затем в его осуществлении. Сомневаясь в том, что основа противоречия лежит в осуществлении закона теми или иными индивидами, К. Маркс приходит к мысли о противоречивости самого закона вне зависимости от особенностей тех или иных лиц. Иначе говоря, непосредственно данные стороны противоречия (закон и его неосуществление) суть единые противоположные стороны сущности одного и того же. Как справедливо указывает В. А. Вазюлин, у К. Маркса получается, что «сущность не может не быть действительной, проявляющейся сущностью; внутреннее не может не быть внутренним, не воплощающимся внешне. Нельзя приписывать длительное неосуществление, не проявление сущности, необходимости только внешнему, случайному, а следует искать противоречие в самой этой сущности, необходимости, внутреннем» [1, с. 89]. Это значит, что противоречие между сущностью и ее неосуществлением в явлении нужно искать не в явлении, а в природе самой сущности. Опираясь на этот вывод, К. Маркс анализирует далее закон о цензуре с точки зрения выяснения противоречивости самой сущности существующего — института цензуры как такового.

Как можно видеть, К. Маркс сознательно стремится к выведению различных сторон противоречия из сущности и к обнаружению существенно противоречивого единства. Однако в другом месте статьи К. Маркс выводит различие из сущности иначе: одна сторона различного соответствует природе сущности, а другая, соответствующая не-сущности, — отрицает сущность. Причем отрицание сущности здесь не движет и не развивает: напротив, положительная природа сущности (свобода) и соответствующая ей сторона проявления сущности (свободная печать) есть отрицание, движущее развитие, а отрицание сущности (ограничение свободы печати) обнаруживается в проявлении как нечто, тормозящее развитие. Другими словами, то, что на поверхности есть утверждение, сдерживающее развитие (ограничение свободы печати тормозит развитие), в сущности, предстает лишь как отрицание сущности (ограничение свободы печати есть отрицание по отношению к сущности, т.е. к свободе). И наоборот: то, что видится на поверхности отрицанием (установление свободы печати на поверхности суть разрушение ее ограничений), в сущности, есть положительная природа сущности (установление свободы печати как утверждение положительного существования свободы печати).

Зафиксировав противоречие, К. Маркс пытается решить его в идеалистической манере: «Действительным, радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение, ибо негодным является само это учреждение, а ведь учреждения более могущественны, чем люди» [3, с. 27]. Однако идеалистический подход Маркса уже отличен здесь от идеалистического подхода Гегеля. Гегель не разрешает антиномию, а превращает ее в другую, в которой антиномичность менее заметна. Так, например, Гегель сказал бы, что разрешение поставленной К. Марксом антиномии состоит в постепенном усовершенствовании законодательства и что государственный строй развивается в поступательном движении правительственных дел. Законодательная же власть, постепенно и незаметно изменяя государственный строй, «не замечает», что, будучи установленной на базе этого государственного строя, она имеет его законы и не может изменять его. В итоге антиномия не разрешается, а сохраняется и просто сводится к неявной форме, становится невидимой. Позднее в работе «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) К. Маркс скажет об этом так: «...государственный строй *есть* с точки зрения закона (в иллюзии), но в действительности (поистине) он *становится*. По своему назначению он неизменен, но в действительности он изменяется, только это изменение совершается бессознательно, оно не имеет формы изменения. *Видимость* противоречит *сущности*» [5, с. 282].

Именно в работе «К критике гегелевской философии права» К. Маркс продолжает свои рассуждения о диалектическом противоречии, хотя и делает это в неявной, имплицитной форме. В процессе критики воззрений Гегеля на законодательную власть, в ходе анализа противоречий между законодательной властью и государственным строем, между законодательной и исполнительной властью К. Маркс приходит к выводу, что уничтожение обособления политического государства от гражданского общества есть в то же время упразднение коллизии между законодательной и исполнительной властью, устранение бюрократического государственного аппарата. В условиях же наличия конфликта между государственным строем и законодательной властью, по мнению К. Маркса, этот конфликт есть не что иное, как коллизия государственного строя с самим собой, противоречие в понятии государственного строя.

По мнению К. Маркса, Гегель, излагая свои политико-правовые взгляды, смешивает противоречивые определения одной сущности с отношением разных сущностей и выдает отношение между разными сущностями за отношение внутри одной сущности. Возражая Гегелю, К. Маркс полагает, что между разными сущностями нет ничего общего, поэтому действительными крайностями противоречия следует считать только разные сущности. Так, «северный полюс и южный являются одинаково *полюсами*, их *сущность*

тождественна; точно так же *мужской* пол и *женский* образуют один и тот же *род*, одну *сущность* — человеческую сущность. Север и юг — противоположные определения *одной и той же* сущности, различия *одной сущности* на *высшей ступени ее развития*. Они представляют собой *дифференцированную* сущность. Они суть то, что они суть *лишь* как *различенное* определение и именно как *это* различенное определение сущности. *Истинными, действительными* крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий род. В одном случае различие есть различие *существования*, в другом — различие между *сущностями*, различие *двух* сущностей» [Там же, с. 321].

Различие определений одной и той же сущности характеризуется здесь К. Марксом как различие существования, а не сущности, что идет вразрез с некоторыми взглядами, изложенными в более ранней статье К. Маркса о прусской цензурной инструкции. К. Марксу не хватает строгого установления связи между двумя типами указанных отношений. Это объясняется, по-видимому, тем, что рассмотрение коллизий внутри сущности самого буржуазного общества пока еще не входит в сферу интересов К. Маркса.

В двух статьях, опубликованных К. Марксом в первом и единственном номере «Немецко-французского ежегодника» (1844 г.), наблюдается та же тенденция, что и в работе «К критике гегелевской философии права». Между тем, фиксируя отрыв политического государства и гражданского общества друг от друга, в одной из своих статей — в статье «К еврейскому вопросу» [4] — К. Маркс начинает делать первые шаги в различении отчуждения внутри гражданского общества самого по себе, взятого вне тесной связи с политическим государством. На первом же плане у К. Маркса здесь снова отношение между разными сущностями и противопоставление его отношению разных сторон одной сущности.

Итак, анализ ранних работ К. Маркса на предмет понимания им диалектического противоречия позволяет выявить следующее: на одних страницах своих первых сочинений К. Маркс высказывается о противоречии как об отношении отличных друг от друга сторон в рамках одной сущности, на других страницах — как о противоречивом единстве отношения двух разных сущностей. У К. Маркса еще нет понимания того, что существенное различие внутри одной и той же сущности есть не что иное, как преобразованное различие между разными сущностями. К такому выводу он придет только в последующих своих трудах, посвященных вопросам политической экономии.

Таким образом, весьма сложно получить представление об *общей* структуре диалектического противоречия на основе представленных выше рассуждений К. Маркса. В то же время в работах Г. В. Ф. Гегеля, критикой которого увлечен молодой немецкий философ, *общая* структура умозрительно, идеалистически понимаемого диалектического противоречия прослеживается, и прослеживается эксплицитно. Можно ли в таком случае списать всю непоследовательность суждений молодого К. Маркса на незрелость его мировоззрения, неразработанность его исследовательского метода? По-видимому, нельзя.

Судя по всему, К. Маркс в еще очень поверхностной, неявной форме установил очень важный факт: в действительности, выступающей предметом всякого анализа, представлена масса разных диалектических противоречий, функционирующих в зависимости от разных ситуаций. Единое отношение двух разных сущностей — противоречие; отношение двух сторон в рамках единой сущности — тоже противоречие. Это разные диалектические противоречия, и они характеризуются разными аспектами, в том числе разной структурой. Говорить о «противоречии вообще», не имеющем конкретной предметной или исторической формы, может только тот исследователь, который в процессе своей теоретической деятельности производит «отрыв» вещей от их отношений, т.е. не выходит за границы диалектического эмпиризма и абстрактного теоретизирования, создающего видимость «научности» обсуждения проблемы. Именно такое положение вещей во многом характерно для Гегеля.

Получается, что никакой общей природы и структуры диалектического противоречия не существует. Диалектическое противоречие имеет место только там, где есть отношение, взаимодействие вещей. Поэтому всякое противоречие есть не что иное, как две отличных друг от друга стороны и отношение между ними. Это и есть, если хотите, «структура» диалектического противоречия в том виде, в каком она вообще может существовать объективно.

Отсюда следует еще более ценный вывод: диалектическое противоречие есть не просто отношение вещей. Диалектическое противоречие суть такое отношение, в результате которого вещи, будучи сторонами этого отношения и отличая себя друг от друга, самоорганизуются как системы, как данные конкретные целые качественные определенности, структурные элементы которых обеспечивают их сохранение. В отражении сущностной нетождественности вещи самой себе (соотношение с собой), существующей лишь через внешнее соотнесение вещи с другой вещью, и заключается понимание противоречивой природы бытия. Противоречие здесь выступает как структурообразующий источник, источник системной организации вещи. Приведенные соображения позволяют вполне обоснованно заключить, что, когда исследователи рассматривают объективную диалектику бытия материальных вещей, выясняется, что системным характером обладает не противоречие, но бытие конкретной вещи; а структура есть не что иное, как *следствие* разрешения диалектического противоречия.

Недооценка изложенных выше фактов, судя по всему, и стала камнем преткновения в попытках создания теории диалектического противоречия в рамках советской философии: как известно, эти попытки, несмотря на проделанную работу и вопреки некоторым претенциозным заявлениям, имевшим нередко идеологическую основу, в целом окончились неудачей.

Конечно, на страницах первых трудов К. Маркса нет представленных выше выводов, равно как нет их и на страницах его более поздних сочинений. Между тем обращение к ранним работам К. Маркса, где фиксируется неоднозначное понимание природы диалектического противоречия, как раз и позволяет, по мнению автора настоящей статьи, приподнять завесу тайны над спецификой современного решения проблемы структуры и природы диалектического противоречия и наметить возможные ориентиры для будущих исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М.: Изд-во МГУ, 1975. 223 с.
2. Вьяккерев Ф. Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М.: Высшая школа, 1963. 96 с.
3. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К. Соч.: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. 699 с.
4. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К. Соч.: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 382–413.
5. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К. Соч.: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. 699 с.
6. Маркс К. Тетради по эпикурейской философии // Маркс К. Соч.: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1975. Т. 40. 729 с.
7. Ойзерман Т. И. Возникновение марксизма. М: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011. 599 с.
8. Энгельс Ф. Письмо к Марксу от 30 мая 1873 г. // Энгельс Ф. Соч.: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1964. Т. 33. 789 с.

PROBLEM OF DIALECTICAL CONTRADICTION STRUCTURE IN EARLY WORKS BY K. MARX

Yurii Valer'evich Zhulii
Department of Philosophy
Siberian Federal University
shooshpan@yandex.ru

The author analyzes the implicit understanding of dialectical contradiction structure in K. Marx's early works written until February 1844, and substantiates the heuristic value of Marx's arguments for the modern and actual solution of the problem of dialectical contradiction nature and structure.

Key words and phrases: dialectical contradiction; structure; materialist dialectics; idealist dialectics; K. Marx; Marxism; Hegel.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена истории создания крупнейшей южнославянской добровольческой части, принимавшей участие в гражданской войне в России, - полка имени майора Благотича. Автор подчеркивает определяющую роль национально-освободительной идеологии в процессе формирования полка, переход которого на сторону белого движения произошел во многом из-за того, что большевики подменили свой интернационалистский идеал борьбой за власть в России, в которой полк участвовать не хотел. Белые же виделись югославянам наследником царской России, дипломатия которой благосклонно относилась к национально-освободительному движению югославян.

Ключевые слова и фразы: гражданская война в России; добровольцы; полк имени майора Благотича; борьба за Казань в 1918 году; белое движение на Урале и в Сибири.

Александр Михайлович Захаров, к.и.н., доцент
Кафедра русской истории
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
rusist.rgpu@mail.ru

**СОЗДАНИЕ СЕРБСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ПОЛКА
ИМЕНИ МАЙОРА БЛАГОТИЧА В РОССИИ В 1918 Г. ©**

Судьба югославянских добровольцев, участвовавших в гражданской войне в России на стороне белых, во многом показательна. Прежде всего в том смысле, что идеи национальной и социальной революций в условиях обостренного и неоднозначного восприятия проблемы югославизма имели тенденцию к пересечению и подмене друг друга. Настроения самих добровольцев тоже напоминали маятник, качаясь от одного полюса к другому, но при этом сам по себе революционный их настрой никогда не сходил на нет абсолютно. История сербского добровольческого полка имени майора Благотича является яркой иллюстрацией к этому тезису.

Полк вырос из югославянского ударного батальона, созданного еще летом 1917 г. на юге России полковником А. Србом. После боев на рубеже 1917-1918 гг., в ходе которых батальон выступал последовательно едва ли не на всех возможных сторонах гражданского противостояния (на стороне красных, впрочем, чаще других),